

Апории ответственности

Aporias of responsibility

*Керимов Тандыг Хафизович,
Доктор философских наук, профессор
Заведующий кафедрой социальной философии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина.
г.Екатеринбург, Россия.
Kerimovt@mail.ru*

Аннотация

В статье описываются основные признаки традиционного понятия ответственности, условия его деконструкции и четыре апории ответственности, сформулированные Ж. Деррида.

Abstract

The article describes the main characteristics of the traditional notion of responsibility, the conditions of its deconstruction and four aporias of responsibility formulated by Jacques Derrida.

Ключевые слова: ответственность, деконструкция ответственности, апории, Ж. Деррида.

Keywords: responsibility, deconstruction of responsibility, aporias, J. Derrida.

Возможно, сегодня нет темы более востребованной, чем тема ответственности. Тем не менее, при всей своей востребованности эта тема часто дает повод «правильным» ответам, которые рискуют нивелировать во имя этики возможность самой этики. Действительно, понятие ответственности является предписательным, нормативным понятием, которое предвосхищает и программирует ответ, определяя ответственность как механическое применение набора правил, предписаний. Но ответственность имеет место за пределами нормативной программы предданной этики и ее метафизического определения. Подобная

перспектива, с одной стороны, предполагает проект критики или даже деконструкции понятия ответственности, рискующей проблематизировать весь корпус этического дискурса, с другой стороны, ведет к установлению границ или апорий ответственности как условий его возможности и невозможности.

Хотя ответственность всегда есть ответственность перед традицией, наследием, историей, ответственность – это традиционное, метафизическое понятие. И в качестве метафизического понятия в ряду множества других понятий ответственность, более чем любое другое понятие, является предметом деконструкции. Эта форма аргумента хорошо известна из других деконструктивных движений. Ответственность – это метафизическое понятие, которое, тем не менее, именно в силу своей метафизической определенности предоставляет важные ресурсы для деконструкции метафизики. В качестве примера можно вспомнить другие метафизические понятия, например, письмо или знак, или метафора. Понятия, которые традиционно относятся к вторичным или производным в системе метафизики, парадоксальным образом оказываются условиями возможности основных понятий метафизики. В этом смысле этика также может предоставить деконструкции неиспользуемые или репрессированные метафизикой ресурсы. Но при этом всегда надо иметь в виду, что деконструкцию этического дискурса всегда будет преследовать риск безответственности. Действительно, деконструкция традиционного понятия ответственности не сможет обойтись без целого ряда неотделимых и связанных с ним понятий (интенциональности, воли, совести, сознания, самосознания, субъекта, личности, человека, сообщества, решения и т.д.). И подобная деконструкция этих понятий будет казаться шагом к безответственности в тот самый момент, когда, деконструкция, наоборот, призывает к большей ответственности. Но в этот самый момент деконструкция подвешивает доверие и, кажется, что нет больше места для ответственности – ни для самой ответственности, ни для философского или теоретического интереса к проблемам ответственности. Деконструкция невозможна без этой подвешенности, без этого эпохе, но кто-то обязательно будет спекулировать на этой подвешенности. Однако если деконструкция понятия ответственности невозможна без этой подвешенности, без этой неопределенности, которые сопровождают любое решение по поводу ответственности, всегда остается риск этического произвола. Дискурс об ответственности, на самом деле, утверждает себя только в модусе «возможно». Хотя в этом «возможно» всегда есть признак неточности, «возможно» здесь указывает на недостаток догматической убежденности относительно того, что не может быть абсолютно безупречным и абсолютно определенным. В этой области ничего не обосновано, ничего не разумеется, ничего не гарантируется раз и навсегда.

Произвести деконструкцию понятия ответственности означает, по меньшей мере, смещение смысла традиционного, то есть метафизического, понятия ответственности как вменяемости перед нормативной инстанцией.

Быть ответственным, согласно этому смыслу, означает быть готовым дать объяснение о своих действиях и поступках нормативной инстанции, перед которой – явно или неявно, с точки зрения морали или права, по своей воле или по контракту – ты связан, ты обязан. Быть ответственным означает быть вменяемым. «Понятие ответственности традиционно связывалось, если не отождествлялось, с вменяемостью... вменяемость, которая определяла традиционное понятие ответственности, если не исчерпывала, опиралась на понятия агента, причинности, свободы воли и субъективности. Ответственность, как вменяемость, таким образом, обозначает способность субъекта быть причиной собственных действий, и в конечном итоге присвоить их, сделать их своими. При таком обосновании феноменологический и онтологический источники ответственности оставались неопределенными» [6, 242]. Ответственность подразумевает «за» и «перед»: всегда быть ответственным или вменяемым за свои действия перед компетентным органом [7, 261]. Этим органом может быть внутренний суд, как, например, совесть, или внешний суд, как, например, институциональная власть. Человек несет ответственность, если он готов объясниться и тем самым узаконить свое поведение. Легитимация и означает ответ за свои действия перед нормативным органом. Будучи узаконенными, наши действия «возвращаются» к нам. Легитимирующий референт соотносит, измеряет наши действия, поэтому выходит за пределы их. Мы – ответственные субъекты, если мы принимаем на себя и требуем этого измерения. Эта структура возвращения является основанием для вменения. Благодаря этой структуре индивидуализируются наши поступки. Таким образом, возвращение действий субъекту и нормативный суд являются двумя доминирующими признаками феномена ответственности. Деконструкция традиционного понятия ответственности не упраздняет, а смещает эти признаки. Во-первых, смещается место ответственности, которое традиционно отождествляется с местом субъекта. Действия и ответственность *за* их последствия не связаны со свободой выбора субъекта. Во-вторых, лишается своего трансцендентального статуса нормативная инстанция. Ответственность как вменяемость не означает ответственность перед какой-то властью, которая ограничивает нашу свободу.

Ответственность, которая обусловлена или обоснована знанием, верой или нормами, нельзя называть ответственностью, коль скоро она, таким образом, лишается свободы и принятия решения, за которые только и нужно брать на себя ответственность. Правовое, нормативное понятие программирует и предвосхищает ответ, определяя ответственность как механическое применение установленных правил, лишаящих человека свободы в принятии

решений. «Безусловная» ответственность возможна, только если решение действительно является решением, а не механической реакцией на определенное условие. «Безусловная» ответственность возможна только вне установленных программ религии, науки или этики. В чем тогда заключается «безусловная» ответственность?

Ответственность – это, прежде всего, обещание, ответ на то, что связывает, обязывает меня. Это обещание ничего не полагает, ничего не обещает, ничего не выдвигает, оно связывает. Будучи обещанием, ответственность обуславливает сам вопрос и таким образом ему предшествует, не принадлежа ему: асимметрия утверждения, *да* прежде любой оппозиции *да* и *нет*. До всякого вопроса мы имеем *да* как сингулярное утверждение, раскрывающее саму возможность вопроса. Всегда, прежде всякого вопроса, и в самом вопросе, ответственность возвращается к обещанию. «Это обещание дается прежде любого другого события» [2, 130]. Утверждение обещания маркируется в существовании как его (существования) имманентная неприсваиваемая избыточность, которая тем не менее в самой своей маркированности держится про запас. Признаком обещания является не само обещание, а факт его грядущей всегда уже «здесь-и-теперь» возможности, состоятельности.

Но если свобода полагает бесконечную ответственность за собственное существование и тем самым связывает себя обещанием, бесосновное существование становится здесь самообещанием. Существование неотделимо от этого обещания, выставления вовне, разделения, которое и является разделением свободы существования. Но если разделение всегда подразумевает разделение на части, вопрос заключается в том, в соответствии с какой метрикой, или мерой, это разделение имеет место.

Деконструкция понятия ответственности в то же время подразумевает возвращение к его границам, к его апориям, которые будучи условиями его возможности и невозможности, сталкивают этику с неэтическим или антиэтическим. «Что такое этичность этики? Нравственность нравственности? Что такое ответственность? Что такое “что это”? в таком случае? и т.д. Эти вопросы всегда безотлагательны и требуют немедленного ответа. В какой-то степени они должны оставаться безотлагательными и без ответа; во всяком случае без общего и отрегулированного ответа, без никакого другого ответа, чем тот, который странным образом связан всякий раз с фактом принятия решения вне правил и воли, при еще одном испытании неразрешимым. Не спешите утверждать, что эти вопросы или суждения вдохновляются той озабоченностью, которую с полным правом можно назвать этической, нравственной, ответственной и т.д.» [1, 273]. Перед лицом неразрешимости каждый раз остается возможность какого-то выбора. «Между» двойным актом приглашения, раздвоенного и удвоенного одновременно, принуждающего и оставляющего свободу действий, решение, которое изобретается каждый раз и в каждом отдельном случае, вне

правил и нормативов («невежливо быть вежливым из вежливости», «нравственно ли и ответственно ли, впрочем, было действовать по законам морали именно в силу обладания чувством долга и ответственности?»). Как таковые этичность этики, нравственность нравственности, «что это» — всегда безотлагательные вопросы, которые требуют немедленного ответа (и ответственности) каждый раз и в каждом отдельном случае, снова и снова за другого или перед другим, от имени другого или от своего имени в качестве другого. И каждый раз — «двойное обязательство», а стало быть, никакого обязательства.

Нижеследующие описания апорий ответственности заимствованы из блестящего комментария, сделанного Ф. Раффюлом в его «Истоках ответственности» [6, 294-299]. Итак, четыре апории ответственности.

Апория закона. Первая апория обозначает избыточность этической ответственности в отношении к любой норме или правилу, в отношении к долгу. Главная характеристика закона состоит в том, что самым радикальным образом закон безосновен, не выдерживает никакого обоснования или оправдания: закон незаконен. Таким образом, нет закона закона, отсюда сила закона, насилие закона; закон неразрывно связан с насилием. Нет закона без такой силы, которая имманентна закону и составляет его насильственность. Отсюда требование деконструкции закона. Насилие принадлежит символическому порядку закона, политики и морали. Акт установления закона — этот насильственный акт. Ничто не способно оправдать справедливость и законность этого закона, ибо в момент его установления такой закон ни справедлив, ни несправедлив, ибо в момент его установления нет закона, согласно которому устанавливается закон. Нет основания этого перформативного основания. Никакой дискурс не может выполнять роль метаязыка в отношении к перформативности этого языка учреждения. Отсюда радикальная и ни к чему не сводимая безответственность закона, то, что Деррида называет «мистическим основанием господства»: «здесь молчание замуровано в насильственную структуру акта основания» [3, 14].

В этом же заключается эпохе, подвешивание правила. Простое применение правила или следование норме равняется безответственности. Ответственность имеет место только в отсутствии правила. Не иметь никаких правил и претерпеть это отсутствие как апорию — вот начало ответственности. Это означает выйти за пределы языка долга из уважения к долгу. Апория правила состоит в том, что в присутствии правила мы не связаны этим правилом. Решение изобретается каждый раз и в каждом отдельном случае, вне правил и нормативов. Контрдолг, долг по ту сторону долга, гиперболический долг или гипердолг, которые вытекают из апоретической структуры закона. Поскольку этическое решение должно решить без правил, оно выходит за пределы долга и нормы, обесконечивается. Ответственность и означает открытость к этой бесконечности в отсутствии основания.

Апория неразрешимости решения. Неразрешимость не есть невозможность, более того неразрешимость есть условие возможности решения в том смысле, что решение и ответственность имеют место в ситуации противоборства с неразрешимым, с невозможным. Решение должно решить в отсутствии правила, которому нужно следовать или которое нужно применить или которому нужно соответствовать: каждый раз решение есть событие. Неразрешимое обозначает событийный характер любого решения. Решение имеет место всякий раз как событие решения вне правил и сознания/воли. Отсутствие правила бросает решение в неразрешимое. Вот почему в этической ответственности речь идет об изобретении, а не о применении правила. Решение – это прыжок из априорного условия возможности в абсолютный риск, единственным основанием которого является отсутствие основания. «Нет политики, права, этики без ответственности решения, которое, чтобы быть справедливым, не должно довольствоваться простым применением существующих норм или правил, но взять на себя абсолютный риск, в каждой сингулярной ситуации, чтобы оправдать себя снова, в одиночку, как если бы в первый раз, невзирая ни на какую вписанность в традицию или предписанность традицией» [5, 358].

Никакое решение невозможно без опыта неразрешимости, который есть «момент безумия». С одной стороны, до тех пор, пока мы не встретились с неразрешимым, нет возможности решить; но, с другой стороны, неразрешимое, по определению, указывает на тупик: перед лицом этого тупика мы не можем решить. Исходная нерешимость, колебание предшествует любому решению, если вообще существует нечто, рассматриваемое как решение. Вот почему ответственность никогда не является «чистой совестью», поскольку она всегда имеет место в апории, в опыте невозможного. Неразрешимое как невозможное преследует любое решение, даже тогда, когда решение принято.

Апория не-знания. Не-знание, таким образом, является условием решения. Если я знаю, что я должен делать, я не принимаю решение, я применяю знания, я разворачиваю программу. Чтобы решение имело место, я не должен знать, что делать... Момент принятия решения, этический момент не зависит от знания. Ответственность, этика возникает тогда, когда я не знаю правила. Конечно, мы должны знать до того, как принимать решение, но всегда имеется разрыв между решением и знанием, потому что момент решения, момент ответственности подразумевает разрыв с порядком знания, с рациональностью. Ответственность возникает из этой апории не-знания решения.

Такое решение вне знания связано с тайной, которая не есть моя тайна, с тайной которая никому не принадлежит. Это решение другого во мне, которое, тем не менее, не снимает с меня ответственности. Это моя ответственность, но «не в смысле (кантовской) автономии, благодаря которой я вижу себя действующим полностью свободным или в соответствии с

законом, который я сам для себя устанавливаю, а в гетерономии... всего, что повелевает мне принимать решения, решения, которые все-таки будут моими и за которые мне в одиночку придется отвечать» [4, 91].

Апория решения другого. Если решение имеет место в прыжке в неизвестное, тогда решение никогда не является моим решением. Оно имеет место в другом. Вот почему, согласно Деррида, Я никогда не могу сказать, что «Я принял решение». Тем самым деконструируется горизонт субъективности и воли, т.е. горизонт вменяемости свободного субъекта. Вслед за Левинасом, который неоднократно подчеркивает, что ответственность предшествует свободе, указывая, таким образом, на фундаментальную пассивность, предшествующую оппозиции активности и пассивности, Деррида пытается представить инаковость решения, которое было бы решением другого, и все же не снимало бы с меня моей ответственности, потому что никто не может вместо меня принять решение. «Левинас хочет напомнить нам, что ответственность не является, прежде всего, ответственностью самого себя перед самим собой, что тождество меня самого выводится из другого, как если бы оно было вторичным по отношению к другому, что я прихожу к себе самому как ответственный и смертный только с позиции своей ответственности перед другим, за смерть другого, перед лицом этой смерти. Только потому что другой смертен, моя ответственность сингулярна и «незаместима» [4, 50]. Это решение другого во мне маркирует разрыв, раскол в самотождественности субъекта.

Литература:

1. Деррида Ж. Страсти // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М., 1996.
2. Derrida J. Of Spirit: Heidegger and the question. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
3. Derrida J. Force of Law: The Mystical Foundation of Authority // Deconstruction and the Possibility of Justice, New York: Routledge, 1992.
4. Derrida J. The Gift of Death. Chicago and London: University of Chicago Press, 1996.
5. Derrida J. Papier Machine. Paris: Galilée, 2001.
6. Raffoul F. The Origins of Responsibility. Bloomington & Indianapolis. Indiana University Press, 2010.
7. Schiirmann R. Heidegger on being and acting. Bloomington. Indiana University Press, 1987.